

АНТРОПОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ СЕМИОТИКИ

Хлебникова О.В.

ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет путей сообщения», Омск, Россия (644046, Омск, пр. К. Маркса, 35), e-mail: hlebnikova_ov@mail.ru

---

В представленной статье рассматривается проблемное поле западной антропологии с целью исследования характерных для нее особенностей семиозиса. Раскрывается семиотическая сущность антропологии как рефлексии по поводу формальных аксиом восприятия. Осмысливается содержание главного семиотического парадокса внутри пространства антропологии, заключающегося в устойчивом рассогласовании между человеком как местом любого смысла и бессмысленностью предположения о том, что это место занято. Проводится краткий анализ двух основных западных подходов к формальной аксиоматике восприятия, а именно математики восприятия и экологии восприятия. В рамках каждого из названных подходов выделяется набор базовых аксиом. Показывается специфика интерпретации природы главного парадокса антропологии в рамках математики восприятия и экологии восприятия. Делается вывод о содержании основного вопроса антропологии.

Ключевые слова: антропология, семиотика, философский язык, смысл, значение, аксиомы восприятия, математика восприятия, экология восприятия.

ANTHROPOLOGY IN THE CONTEXT OF SEMIOTICS

Khlebnikova O.V.

«Omsk State Transport University», Omsk, Russia (644046, Omsk, K. Marx Avenue, 35), e-mail: hlebnikova_ov@mail.ru

---

The article investigates the problem field of Western anthropology with the aim of research the specific features of its semiosis. It reveals the semiotic essence of anthropology as a reflection on the formal axioms of perception. It considers the content of main semiotic paradox within the space of anthropology, which comprises in a sustainable dissonance between man as a place of meaning and meaninglessness of any assumption that this seat is taken. It contains a brief analysis of two major Western approaches to the formal axioms of perception, namely the mathematics of perception and the ecology of perception. A set of basic axioms is allocated within each of these approaches. Also the article demonstrates the specific interpretation of the nature of main anthropological paradox inside of the mathematics of perception and the ecology of perception. It concludes about the content of the basic question of anthropology.

Keywords: anthropology, semiotics, philosophical language, meaning, sense, axioms of perception, mathematics of perception, ecology of perception.

Современная философия, являющаяся, по сути, не столько традицией приобщения к мудрости, сколько системным дискурсом, может быть рассмотрена как специфическая коммуникативная среда, внутри которой всякий философский текст предстает перед нами в качестве материального воплощения особым образом организованного философского языка, существом коего выступает, по выражению Д. В. Анкина, некоторое двойное «похищение» языка естественного [1, с. 44]. В качестве первого «похищения» тут можно рассматривать введение запрета на использование ближайших значений «естественных» слов. Вторым же «похищением» служит обнаружение за «перевернутыми» значениями случившегося смысла, который всегда оказывается непричастным их прямой логике [3, с. 34 – 38]. Фактически в философии смысл является собственно телом события второго «похищения» естественного языка, знаменующего собой «кражу» любых значений вообще вслед за «кражей» ближайших значений. В этой связи следует заметить, что содержание философской рефлексии заключа-

ется, прежде всего, в демонстрации существования отношений нонсенса между феноменами значения и смысла как таковыми. Пространством такой демонстрации и местом «похищения» выступает философский текст. Наиболее перспективным методом изучения так понятого философского дискурса может считаться, на наш взгляд, семиотический метод. При более тщательном исследовании становится также ясным, что непосредственно способы демонстрации парадоксов связи смысла и значения, то есть способы «похищения» естественного языка, могут существенным образом различаться. Речь должна будет идти о выделении, например, онтологического способа, гносеологического, антропологического и т. д. В пределах данной статьи мы обратимся к изучению антропологического способа «похищения» естественного языка философией.

В самом общем виде, можно заметить, что понятие «антропология» указывает на такой тип оперирования значениями, целью которого является конструирование смыслов, имеющих отношение к установлению границ непосредственно человеческого в человеке, к прояснению тех условий, при которых человечность вообще может состояться в качестве действительного события. Антропология, следовательно, превращает «похищенное» в ландшафт собственно человеческого бытия. И в этом отношении, кстати говоря, любой антропологический дискурс неотделим от рефлексии по поводу природы сознания, по поводу его онтологии. В семиотической же перспективе антропологию следует рассматривать в качестве своеобразной попытки говорения о формальных аксиомах восприятия (при условии, что термин «восприятие» здесь трактуется в кантовском ключе как такое превращение сознания, в котором фиксируется признание этим сознанием того обстоятельства, что некий «мир» вдруг оказались явленными ему, а значит и сам человеческий феномен явился во всей совокупности своих природных свойств) факт актуализации которых всякий раз демонстрирует устойчивое противоречие между человеком как местом любого смысла и бессмысленностью предположения о занятии этого места, о том, что это место занято. Речь идет об отсутствии в мире каких бы то ни было внятных, постоянно действующих причин для того, чтобы смыслы вообще извлекались.

На наш взгляд, в текстах западной антропологии можно обнаружить, как минимум, два различных подхода к формальной аксиоматике восприятия:

1. математика восприятия. С антропологией, рассмотренной в качестве математики восприятия, мы фактически имеем дело, к примеру, во взглядах Платона, Аристотеля, Сенеки, Блаженного Августина, Ф. Бэкона, Р. Декарта, Ж. О. Ламетри, Г. В. Ф. Гегеля и др.

Под подобной «математикой» здесь подразумевается отношение к человеку как к условной точке, в которой геометрически соединяются, «сходятся» непосредственно чуждость и мышление. Следует заметить, что собственно обращение к понятию «математика»

обусловлено тут свойственной исследуемой части западной философской традиции ориентацией на поиск своего рода *mathesis universalis*, то есть такого всеобщего органа, который, помимо прочего, позволял бы фиксировать всякий акт восприятия в качестве абсолютно неизбежного, закономерного и нравственно оправданного события с прогнозируемой телеологией.

Математика восприятия, таким образом, интерпретирует сам термин «восприятие» как процесс продвижения в осознании строгой упорядоченности мира, его подчиненности некоторым абсолютным законам, посредством чего осуществляется также и становление геометрического «места» человечности.

Очевидно, что при любой попытке разговора об этом «месте», мы будем вынуждены иметь дело с двумя принципиальными парадоксальными неизбежностями. С одной стороны, с неизбежностью исключительной интерпретации самой природы человека (поскольку уж эта условная точка – «место» актуализации человечности – хоть и вписана по умолчанию в общий порядок вещей, но, тем не менее, именно из нее этот порядок вообще становится видимым, и, следовательно, в этом отношении данная точка может быть рассмотрена в качестве нулевой). С другой стороны, с неизбежностью отсутствия возможности говорения о человеке как об особой проблеме, требующей специального, отдельного рассмотрения (иначе говоря, тут существует возможность рассуждения, скорее, о проблемах человека, чем о человеке как проблеме, в силу того, что нулевая точка восприятия в каждый момент времени уже определена).

В целом, математика восприятия позволяет говорить о следующих его аксиомах:

а) существует разумный субъект восприятия.

В данном случае, термин «субъект» следует интерпретировать в направлении разворачивания представления о наличии носителя инструментов восприятия. «Субъект» здесь является, таким образом, системой качеств, а не организмом. Причем, эти качества по определению демонстрируют изоморфность собственной природы природе чтойного, а значит, автоматически подразумевают подчиненность этих «природ» некоторой единой логике, что в свою очередь, делает неизбежным собственно «изобретение» Разума как ее основы [5, с. 13 – 17].

Иными словами, разумный носитель инструментов восприятия («человек») есть персонаж, произвольно возникающий при любой попытке рассуждения о мире как о фиксированном Порядке. Это означает, что именно фантазм существования Разума (деятельность которого, естественно, также легитимна по определению) является обязательным условием возможности отношения к восприятию как к осознанию закономерного;

б) существуют ошибки в восприятии.

В силу того обстоятельства, что, как мы выяснили, субъект восприятия есть система свойств, а не организм, само восприятие предстает перед нами в качестве проекта, который может быть успешно реализован, но может однако и потерпеть неудачу. Суть дела состоит в том, что при таком («системном») подходе событие восприятия связывается не с проживанием воспринимаемого, а с наблюдением за ним. В этом смысле, восприятие всегда рассматривается здесь не как актуальное, то есть существующее в настоящем, простое действие, которое, будучи таковым, не предполагает никакого оценочного отношения к своему содержанию, а как задача, требующая решения. Собственно, по поводу решения данной задачи и конституируется разумный субъект восприятия («человек»).

Технология подобных решений, естественным образом, предусматривает наличие внятных приемов проверки результатов и «работы над ошибками». В частности, например, как нам кажется, отсылка к основаниям формальной логики у Аристотеля, рассуждения Сенеки об иллюзорном характере случайностей, рекомендации Бэкона по поводу необходимости избавления Разума от идолов и т. д. можно было бы рассматривать непосредственно в качестве подобного рода приемов. Фактически именно демонстрируя способность перестать ошибаться в восприятии, его субъект окончательно легитимизирует свое право претендовать на роль исключительного наблюдателя. Вообще говоря, введение в дискурс категории «ошибка в восприятии» является здесь тактической уловкой, позволяющей рассматривать операцию преодоления подобных ошибок в контексте пресуществления подлинно человеческой сущности;

в) восприятие есть статистическая величина.

Под «статистикой» здесь понимается автоматически возникающее в математическом дискурсе восприятия отношение и к самому этому процессу, и к любым его возможным итогам и основаниям (в том числе, и, собственно, к «человечности») как к отвлеченным умозрительным конструктам, не обладающим прямыми фактическими воплощениями. Причем, речь тут не идет об отсутствии у данных конструктов каких-то реальных референтных областей. На наш взгляд, имеет смысл говорить, скорее, о том, что математика восприятия рассуждает о данном явлении в горизонте всеобщего, которое по определению никогда не может обрести всей полноты реализации в области конкретного. И, следовательно, обращаясь к термину «восприятие», всякий «математик» подразумевает взаимодействие с неким статистическим распределением порядка вещей, актуализирующим всеобщее как типичное, а значит среднее.

В этом отношении, «человечность» является нам также в качестве статистического понятия. Она, таким образом, не имеет никаких закономерных связей с реально существующими людьми, ни один действительный человек не может рассматриваться как пример наглядного полного воплощения «человечности». Фактически математика восприятия, рас-

суждая о человечности, говорит о некоей уникальной вещи, являющейся, по сути, своеобразным умозрительным эталоном, воплощающим определенное отношение онтологического долженствования. Иными словами, математика восприятия рассматривает «человечность» в качестве пустого множества, то есть такого множества, которое существует лишь формально и в отношении которого уместно чисто математическое указание «пусть существует».

В целом, математика восприятия демонстрирует нам возможность отношения к фундаментальному рассогласованию между стремлением человека всегда выступать в качестве «осмысленного» существа и отсутствием в равнодушном мире самом по себе прямой необходимости данного «осмысления» как к ситуации, в которой реализуется глобальная человеческая способность к преодолению давления жестокой действительности. Причем, это преодоление мыслится здесь в контексте действия закономерных эффектов «работы» реальности как таковой. Иначе говоря, математика восприятия позволяет претендовать на человечность только такому существу, которое способно разумно распорядиться данными ему от природы инструментами восприятия с тем, чтобы получить право на конституирование отсутствующей изначально необходимости смысла;

2. экология восприятия. С антропологией, являющейся, по сути, экологией восприятия мы можем столкнуться, например, во взглядах Сократа, И. Канта, Л. Фейербаха, С. Кьеркегора, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, А. Камю, Ж.-П. Сартра, Г. Марселя, М. Бахтина и др.

Рассуждая далее об «экологии» восприятия, мы будем иметь в виду общее отношение к человеку как к «телу», пребывающему в мире. В данном случае термин «тело» означает указание на живую органическую целостность человеческого существа, являющегося не пространством «схождения» каких-либо качеств и отношений, а фактическим движением бытия, из которого они вырастают.

Следовательно, та «экология», о которой пойдет речь, есть дискурс о человеке, предполагающий обнаружение его «жилища» в мире (в соответствии с греческим корнем непосредственно понятия «экология»), его физического «места обитания», где он в подлинном смысле мог бы достичь самореализации, стать самим собой. Фактически экология восприятия выводит собственно «человечность» именно как выраженное стремление к подобному становлению.

Что же касается самого термина «восприятие», то здесь оно понимается в качестве процесса переживания некоторого «родства» с миром, в качестве фиксации актуального единства явленной чуждости и сознания, вдруг обнаруживающего себя внутри ее ландшафтов. Таким образом, разговор тут идет о простой констатации (через восприятие) некоторых фактов жизни, которые по определению есть нечто большее, чем любая последующая рациональная попытка подчинения их некоторым механически действующим динамическим законам.

В общем виде, с точки зрения экологии восприятия можно заявить о следующих его аксиомах:

а) восприятие дает человека самому себе.

Экология восприятия исходит из представления о том, что изначально человек не явлен в мире в качестве некой вещи, но, напротив, только по ходу непосредственно восприятия приобретает «телесные» очертания. Данное событие нуждается, следовательно, в некоем времени для того, чтобы случиться. В свою очередь, это время задает определенный вектор вечного «движения» человечности по направлению к собственному становлению. В подобном отношении финальная «данность» человека самому себе обречена всегда оставаться неполной.

Другими словами, экология восприятия предлагает рассматривать человека в качестве существа, занятого исключительно самостроительством, то есть конституированием своей самости. Жизненный путь человека, следовательно, есть путь вечного усилия восприятия, которое не знает перерывов и не гарантирует вероятности отдохновения. И на этом трудном пути человек, являющийся, по сути, основной собственной проблемой, обретает возможность и право говорить от первого лица, употреблять местоимение «Я» в отношении себя не как некоторой окончательно определившейся вещи, но как источника планов и намерений;

б) восприятие разрушает любое человеческое алиби.

Объяснимся вначале по поводу термина «алиби». Очевидно, что оно было позаимствовано нами у М. М. Бахтина, утверждавшего, что в бытии у человека никогда нет возможности сослаться на какое-либо алиби [2, с. 44]. Суть концепции этого известного русского мыслителя заключается в признании того факта, что не существует никаких отчетливых и наличествующих в виде готового перечня общечеловеческих ценностей, а есть только ценности, утверждаемые эмоционально-волевым, а значит ответственным, отношением человека к ним. Это означает, что все происходящее с человеком всегда является лишь следствием его выбора, модификацией реальности, неизбежно возникающей в результате того или иного человеческого поступка.

Рассуждая здесь об аксиомах восприятия и обращаясь к понятию «алиби», мы подразумеваем, таким образом, отрицание возможности отношения к восприятию как к алгоритмическому процессу: ведь само событие переживания мира сознанием в своих качественных характеристиках есть, по сути, случайность. Иначе говоря, экология восприятия изначально заявляет о «возникновении» воспринимаемого в процессе актуализации воспринятого, вследствие чего человечность рассматривается тут в качестве инстанции, ответственной за последствия любого подобного «возникновения». И поэтому, в данном смысле, к самому акту восприятия необходимо относиться как к действию, направленному на опровержение всякой вероятности человеческого побега от глобальной ответственности за все, случившееся в мире, от признания всеобъемлющей вины, от наглядной очевидности отсутствия какого бы то ни было удовлетворительно-

го алиби. Можно сказать, что фактически экология восприятия здесь позиционирует человека как существо, чьим предназначением является ответственная жизненная (само) проблематизация всякой определенности;

в) восприятие есть частное понятие.

Та «частность», о которой здесь идет речь, означает фактически подразумеваемое экологией восприятия рассмотрение собственно данного процесса в качестве единичного и конкретного события, которое по определению всегда нетипично. Данная «частность» может быть рассмотрена, например, в контексте смыслового подобия рассуждениям Л. Шестова об Иове как частном мыслителе, а также взглядам С. Кьеркегора на природу существующего или субъективного мыслителя [4, с. 327 – 329].

Заявляя о «частном» характере восприятия, мы, по сути дела, говорим о невероятности отношения к нему как к объекту наблюдения, а равным образом и как к цели, требующей некоего «достижения». Восприятие, следовательно, превращается тут в простой элемент существования человека (при условии, что термин «элемент» мы трактуем не в системном, а в органическом смысле как то, что делает целое возможным). С позиций экологии восприятия, таким образом, само оно «разворачивается» посредством актуализации неизбежной личной «пристрастности» человека, превращающей воспринятое не столько во что-то абстрактно ставшее, сколько в нечто конкретно необходимое.

В целом, как можно видеть, экология восприятия трактует термин «человечность» в перспективе отношения к данному феномену как к спонтанному проявлению жизни самой по себе, не допускающему в силу этой спонтанности никаких исчерпывающих фронтальных обобщений по поводу каждого ее отдельного телесно воплощенного акта. Это означает, что человека здесь следует рассматривать в качестве особого существа, посредством которого расширяются границы фактически, частным образом вероятного.

В общем виде, необходимо заметить, что экология восприятия интерпретирует глобальное рассогласование между стремлением человека мыслить самое себя в качестве значимой для существующей реальности инстанции и объективным безразличием мира к феномену человечности вообще как нравственно нейтральное событие. Иначе говоря, экология восприятия не считает подобное рассогласование серьезным препятствием на пути подлинного становления человека как носителя смысла, ведь, с этой точки зрения, заявлять о своей «человечности» имеет право только такой индивидуум, который по определению конституируется актом (само) вменения ответственности. Другими словами, равнодушие мира не значимо для существа, готового с полным осознанием последствий самовольно объявить себя источником конкретной необходимости.

По большому счету, следует заключить, что исследование антропологии в семиотической перспективе заставляет нас прийти к выводу о том, что основным вопросом данной предметной философской области, по праву, может считаться следующий вопрос: «Как и по какой причине человек вообще соглашается длить самого себя?».

Список литературы

1. Анкин Д. В. Прологомены к семиотике философии. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2003. – 294 с.
2. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Собрание сочинений. – Т. 1. – М.: Русские словари, Языки славянской культуры. – 2003. – С. 7 – 68.
3. Делез Ж. Логика смысла. – М.: Академия, 1995. – 302 с.
4. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005. – 680 с.
5. Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1997. – 320 с.

Рецензенты:

Бондаренко И.А., д.филос.н., доцент, профессор кафедры философии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, г. Омск.

Максименко Л.А., д.филосн, доцент, зав. кафедрой философии Омской государственной медицинской академии, г. Омск.